

№ 187.

ЧЕТВЕРГЪ, 12-го марта 1914 г.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА.
Одесса Дерибасовская, уг. Ри-
шельевск. д. Новикова.
Объявленія лично съ 11 до 12 ч. д

ВЕЧЕРНЯЯ

ТЕЛЕФОНЫ:
Редакция—48 73. 12-25.
Конторы—48 74.
Типография—48-77.

ЮЖНАЯ МЫСЛЬ

ОТНОШЕНІЯ А. П. ЧЕХОВА КЪ СЦЕНЪ.

Въ новомъ альманахѣ «Шиповника», выходъ котораго ожидается на дняхъ, будетъ помѣщена статья Сулержицкаго объ А. П. Чеховѣ и Художественномъ театрѣ.

Авторъ собралъ въ своей статьѣ и свои воспоминанія, и воспоминанія другихъ участниковъ Художественнаго театра, возстановилъ, такимъ образомъ, обликъ Антона Павловича въ его отношеніи къ сценѣ.

Нѣкоторые изъ сообщаемыхъ въ характерныхъ эпизодахъ, «Рѣчь» имѣетъ возможность сообщить читателямъ еще до выхода альманаха.

Антонъ Павловичъ пріѣхалъ въ Москву. Художественный театръ поставилъ «Чайку» специально для него. Авторъ былъ единственнымъ зрителемъ на спектаклѣ. Не всѣ исполнители, однако, понравились автору, несмотря на то, что спектакль доставилъ ему большое удовольствіе. Не понравился ему и Сулержицкій.

— Вы же прекрасно знаете. —

4

казаль онъ ему, — но только не мое
ицо. Я же этого не писалъ.

— Въ чемъ же дѣло? — спраши-
валъ смущенный актеръ.

— У него же клѣтчатые пантало-
ны и дырявые башмаки.

Больше ничего Антонъ Павловичъ
не пояснилъ, несмотря на настойчи-
вые просьбы Сулержицкаго.

Онъ всегда высказывалъ свои за-
мѣчанія въ такой краткой и образной
формѣ. Они врѣзывались въ память
и запоминались артистами.

Запомнилъ сдѣланное замѣчаніе и
Сулержицкій.

Въ другой разъ А. П. сказалъ еще
одну фразу: «Клѣтчатые панталоны
и сигару курить вотъ такъ», — по-
казаль онъ жестомъ.

Но этого было достаточно. Про-
шло нѣкоторое время и Сулержицкій
разгадалъ шараду. Онъ потомъ не
могъ самъ понять, какъ можно было
играть Тригорина хорошенькимъ
франтомъ въ бѣлыхъ панталочкахъ и
такихъ же туфляхъ.

Исполненіе одной роли Чеховъ
осудилъ жестоко, и потребовалъ не-
медленнаго отображенія роли. Онъ не
принималъ никакихъ извиненій и
грозилъ запретить дальнѣйшую по-
становку пьесы. «Пока рѣчь шла о
другихъ роляхъ, — рассказываетъ
Сулержицкій, — онъ допускаетъ ми-
лую шутку надъ недостатками ис-
полненія, но стоило заговорить объ
этой роли, какъ Антонъ Павловичъ
сразу мѣнялъ тонъ и тяжелыми уда-
рами, билъ беспощадно.

— Нельзя же, послушайте. У насъ
же серьезное дѣло, — говорилъ онъ.

Всю весну Антонъ Павловичъ еже-
дневно ходилъ на репетиціи въ Ху-
дожественный театръ, и, шовцимому,
хорошо себя чувствовалъ среди акте-
ровъ. Онъ любилъ театръ, но не вы-
носилъ пошлости. И стоило появиться
въ театрѣ какой нибудь личности, не
нравившейся ему, какъ онъ торопил-
ся уйти: — «Мнѣ нужно, позвольте,
меня ждутъ», и онъ уходилъ домой,
усаживался на диванъ и думалъ.

Черезъ нѣсколько дней точно реф-
лексомъ Антонъ Павловичъ произно-
силъ для всѣхъ неожиданно какую-
нибудь фразу и она мѣтко характери-
зовала оскорбившую его пошлость.

— Принципиально, — неожида-
нно промолвилъ онъ однажды и
закатился продолжительнымъ хохотомъ.

Онъ вспомнилъ длинную рѣчь од-
ного несовѣстнаго русскаго чловека,
ворившаго о поэзіи русскій деревни, и
однимъ этимъ словомъ мѣтко охарак-
теризоваль его.

Пріѣзжая въ Москву, Антонъ Пав-
ловичъ останавливался у своей се-
стры.

На его письменномъ столѣ скоро
появлялись тоненькія тетрадки. Одно
время Антонъ Павловичъ былъ за-
нятъ корректурой своихъ мелкихъ вы-
бытыхъ рассказовъ. Онъ готовилъ
ихъ для собранія своихъ сочиненій.
Знакомясь вновь со своими дѣтства-
ми, Антонъ Павловичъ хохоталъ
такъ, что вся квартира заходила
звучами его густого баритона.